

РОЛЬ КОНТАКТОВ В ОБРАЗОВАНИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

Проблема общности алтайских языков, как известно, волнует умы ученых уже не одного поколения (см., например, по этому вопросу [1—4]). При этом возникли и развились две точки зрения: сторонников и противников генетического родства указанных языков. Среди сторонников родства, в частности, тюркских и монгольских языков давно уже укоренилось мнение, разделяемое и теми, кто обращается непосредственно к их сопоставлению, что эти языки имеют между собой огромное количество сходных элементов в лексике, грамматике и фонетике, так называемые параллели, составляющие тюрко-монгольскую языковую общность, наличие которой якобы подтверждает генетическое родство этих языков. В то же время как ортодоксальные алтаисты, так и неоалтаисты признают существование исторических контактов между алтайскими народами и их языками после XIII в. н. э. и наличие взаимных заимствований, относящихся к этому времени (см. например [5]). Соответствия же, уходящие к более ранним периодам, сторонники гипотезы считают общим наследием единого праалтайского языка, т. е. фактически признают довольно позднее распадение алтайского праязыка. Противники же гипотезы вообще все соответствия объясняют конвергентными процессами, ср., например, высказывание Н. А. Баскакова: «Итак, теория Л. В. Котвича о типологическом сходстве алтайских языков и о возможном их родстве в древнейший период является, пожалуй, наиболее убедительной из концепций, представленных вторым направлением в алтаистике, некоторые, крайние представители которого (Дж. Клоусон, А. М. Щербак, Г. Д. Санжеев) полностью отрицают возможность родства этих языков, объясняя общие сходжения этих языков, как результат контактного их сосуществования» [2, с. 49].

Проблема алтайской общности, в том числе и тюрко-монгольской, все еще остается, таким образом, нерешенной. Причина этого, на наш взгляд, кроется в недостаточно верной методике проводимых до сих пор исследований. Недаром в последнее время все больше голосов раздается за пересмотр методики, за другой подход к решению проблемы (см., например [6—13]). Предлагается применять лексикостатистику [7—9], заимствовать опыт индоевропеистики [10—12], а главное — выделить все заимствования и вычленив истинно общеалтайский языковой пласт [13, 14], всесторонне оценить соотношение сходных и различающихся слов [6, с. 23].

После многолетних поисков в области алтаистики, а особенно в плане тюрко-монгольской языковой общности, мы тоже склоняемся к мнению, что следует пересмотреть методику и изменить тактику поисков, чтобы вывести алтаистику из тупика и бесконечных споров. Выявление просто параллелей мало что дает. Наличие одних и тех же элементов в разных алтайских языках еще не является доказательством существования общего алтайского лексического фонда. Необходимо серьезно изучать заимствования — результат древнейших и разнообразных контактов алтайских народов [15, с. 3].

Наиболее приемлемой представляется концепция и методика А. Рона-Таша [13], разработавшего четкие критерии и приемы для определения тюркизмов, особенно ранних, в монгольских языках. Он совершенно

правильно считает, что алтайский праязык, если и допустить существование такового, распался довольно рано, и независимая жизнь алтайских протоязыков должна рассматриваться как долгий исторический процесс. Так, например, известно, что уже в бронзовом веке алтайские народы, а соответственно и их языки, были достаточно развиты и между ними осуществлялись разнообразные контакты. Таким образом, задачей алтаистики является выделение не только поздних, но и ранних, относящихся к прошлым тысячелетиям, заимствований и выявление подлинно общеалтайского фонда, если таковой останется после снятия наслоений.

А. Рона-Таш убедительно показал, что общий тюрко-монгольский лексический фонд во многом состоит из ранних тюркизмов в монгольских языках, относящихся к древнебулгарскому периоду. Главное, что это доказывается не анализом изолированных слов и не использованием разрозненных аргументов, а взятыми в системе соответствиями и критериями, которые дополняют и усиливают друг друга. Так, например, вполне правомерно утверждение автора о том, что имеющаяся в тюркских и монгольских языках терминология высокоразвитого животноводства, связанная регулярными фонетическими соответствиями, является в монгольских языках в основном булгарско-тюркской по происхождению, о чем говорят не только соответствия $z - r$ и $\check{s} - l$, но и ряд других признаков. Таким образом, древнемонгольские (являющиеся в то же время и общемонгольскими) лексемы **ünige* «корова», *birayı* «теленки», *hüker* «бык», *ıyıray* «молозиво», *kimir* «кумыс», *dal* «укрытие для крупного рогатого скота» и т. п. оказываются тюркскими по происхождению. Тюркскими же являются и основные монгольские термины металлообработки, как, например, *darqan* «кузнец», *qoryoljin* «свинок», *temür* «железо», *ayurqai* «шахта» и т. п. Учитывая же, что булгаро-тюркские племена ушли на запад из Центральной Азии вместе с северными хуннами после их разгрома, мы можем смело предполагать, что эти контакты имели место задолго до I в. н. э., т. е. еще за тысячу с лишним лет до эпохи Чингисхана, времени широкой экспансии монголов и соответственно усиленного влияния их языка.

Кроме того, Дж. Клоусон и А. Рона-Таш [5, 13] пришли к выводу, что тюркизмы проникали в монгольские языки из ранних тюркских языков в разные исторические периоды. Именно поэтому невозможно выведение строгих фонетических закономерностей в соответствиях.

Таким образом, каждый элемент в составе так называемой тюрко-монгольской лингвистической общности требует самого пристального критического рассмотрения. Просто выявление максимального числа тюрко-монгольских параллелей и утверждение на этом основании якобы генетического родства тюркских и монгольских языков уже ничего не дает для решения алтайской проблемы.

Исследования выявленных нами тюрко-монгольских соответствий как в лексике, так и в грамматике показали, что немалую долю их составляют монголизмы в тюркских языках (см. [15]), причем не только относящиеся к средним (XIII и позднейшим) векам, но и к более ранним периодам истории. При определении монголизмов мы опирались на выработанные нами критерии [15, с. 5—7], учитывающие также и историю фонетического развития звуков в тюркских и монгольских языках. Так, например, из исторической фонетики известно, что слоги **dī* и **tī* совпали в монгольских языках со слогами **dī* и **tī* и развились в дальнейшем в *ji* и *či*. В тюркских же языках слоги *dī*, *tī*, *dī*, *tī* сохранились. Поэтому наличие в каком-либо тюркском языке слова, имеющего *ji* или *či* там, где в древних тюркских языках и некоторых архаичных современных вместо них представ-

лены *di*, *di* или *ti*, *ti*, давшие в остальных современных тюркских языках рефлексy *ji*, *zi*, сигнализирует о том, что это монголизм. Например, алт. *кедым*, хак. *кечжим* «чепрак» является монголизмом, восходящим к ср.-монг. *ke'im* «чепрак», которое в свою очередь представляет собой адаптацию и развитие по монгольским фонетическим законам древнего тюркского слова *kedim* «одежда, покров» (от др.-тюрк. *ked* «надевать»). Ср. совр. алт. *кийим* «одежда» < *кий*- «надевать», тоф. *кедiм* «одежда» < *кет*- «надевать», ср. хак. *кис* «надевать». Также монголизмом является распространенное по многим современным тюркским языкам слово *карчыгай* «ястреб», восходящее к ср.-монг. *qarčiyai* (ср. совр. монг. *харцага*, *харцгай*, бурят. *харсага*, калм. *харух* с тем же значением), развившемся из архаичной формы **qartiyai* < ***qartiyai*, которая сопоставима с сибирской тюркской формой *картыга* ~ *хартыга* «ястреб» и представляет собой древнейшее тюркское заимствование в монгольских языках.

Далее. Для современных тюркских языков, кроме чувашского, не характерно наличие ламбдаизма и ротацизма в собственно тюркских словах, т. е. в них последовательно представлены *z* и *š*. Поэтому появление слов, имеющих вопреки этой закономерности согласные *p* и *l*, можно объяснять монгольским влиянием. Например, сибирско-тюркские *корголчун* «свинец», *калчан* «лысый», *боро* «серый» и т. п. восходят к средневековым монгольским словам *qorqoljin*, *qal'ian*, *boro* с теми же значениями. Ср. соответственно тюркские *қорғашын* «свинец», *қауш/қауша* «лысина на лбу лошади», *боз* «серый». Здесь могут быть возражения, что это исконные тюркские слова и в монгольские языки они попали из тюркских. Это в принципе верно. Но верно в то же время и то, что в тюркские языки, особенно в сибирские, они вернулись уже в монгольской адаптации и в монгольской звуковой форме.

Во многих случаях подобные лексемы имеют явно монгольскую морфологическую структуру. Например, алт. *дыакылта* «задание» < монг. *jakī*- «приказывать; давать наказ, заказывать» + монг. афф. *-lta*; алт. *көжйүр* «рычаг, вага» < монг. *köšigür* «то же» < монг. *köši*- «поднимать рычагом» + монг. афф. *-gür*.

Наблюдается также проникновение монголизмов, относящихся по своему облику к более раннему, чем XIII в., периоду. Так, слова типа зап.-сиб. тат. *мегелей* «рукавицы» (ср. др.-монг. *begelei*, ср.-монг. *be'elei*, совр. монг. *бээлий* с тем же значением); алт. *сарбага* «жеребенок» (ср. др.-монг. *sarbaqa*, ср.-монг. *sarba'ā*, совр. монг. *сарваа*, бурят. *харбаа* «жеребенок двух лет»); куманд. *шыбырган* «метель» (ср. др.-монг. *šiyurqaп*, ср.-монг. *šu'irqaп*, совр. монг. *шуурган*, бурят. *шуурган* «метель») и т. п.

Показателен факт освоения южносибирскими тюркскими языками, как и якутским, словообразовательной и видовой системы монгольских образных и подражательных глаголов, прилагательных и т. п. Ср., например, тув., тоф., якут. *кылай*- «быть блестящим, сверкающим» — тув., тоф. *кылагар*, якут. *кылыгыр* «блестящий, сверкающий»; тув., тоф. *кылас кын*-, якут. *кылас гын*- «сверкнуть»; тув., тоф. *кылас кылас кын*-, якут. *кылас кылас гын*- «сверкнуть несколько раз», тув. тоф. *кылаңна*-, якут. *кылаңнаа*- «посверкивать» и т. д. Ср. соответствующие средневековые монгольские лексемы *gilai*-, *gilayar*, *gilas ki*-, *gilas gilas ki*-, *gilangna*- и современные монгольские *гялай*-, *гялгар*, *гялас хий*-, *гялас гялас хий*-, *гялтгана*- с теми же значениями. Отдельные из подобных форм встречаются еще в киргизском и кыпчакских языках. Нет их в огузских, которые вообще наименее монголизированы из всех тюркских языков. Более всего

монгольское влияние прослеживается в сибирских тюркских языках, в киргизском, а из кыпчакских в казахском и каракалпакском. Отсутствие монголизмов (за исключением единичных, относящихся к эпохе Чингисхана и позднейшего периода) в огузских языках и такое глубокое их проникновение в сибирские тюркские языки, киргизский и кыпчакские свидетельствуют о том, что усиление монгольского языка в регионе Центральной Азии и Южной Сибири началось, видимо, уже после ухода огузов (во всяком случае их основной массы) в Среднюю Азию, т. е. после VII—VIII вв., и происходило, по всей вероятности, в условиях тюрко-монгольского языкового союза и длительного двуязычия.

Наличие общих тюрко-монгольских слов в таких наименее монголизированных языках, как татарский, карачаево-балкарский (см., например [16—18]), объясняется тем, что в число этих параллелей попали широко бытующие в монгольских языках ранние тюркизмы и некоторые поздние монголизмы в тюркских.

Работа над выявлением тюркизмов в монгольских языках (см. [19—22]) показала, что многие из них, носящие общемонгольский характер, относятся, как утверждает и А. Рона-Таш, к ранним тюркизмам, проникшим в монгольские языки еще до их распада. Так, например, к их числу можно отнести такие слова, как монг. *заль* «горящий уголь», калм. *заль* «пламя», бурят. *зали* «пыл, жар», ст.-письм. монг. *jali* «пламя; воодушевление, жар», восходящие к др.-тюрк. *jalin* «пламя» < др.-тюрк. *jal* «вспыхивать, воспламеняться»; монг. *арил* «очищаться; исчезать», бурят. *арил*, калм. *эрл* «исчезать; убираться, уходить», ст.-письм. монг. *aril* «очищаться; исчезать» < др.-тюрк. *aril* «очищаться» < *ari* «быть чистым». Наличие подобных лексем свидетельствует о довольно сильном раннем тюркском влиянии на общемонгольском уровне.

Кроме того, вывелись тюркизмы регионального характера, главным образом, ойратско-халхаские и бурятско-халхаские.

Примерами ойратско-халхаских тюркизмов могут послужить слова типа монг. *эсн*, калм. *эсн* «здоровый» < др.-тюрк. *esün* «здоровый, невредимый»; монг. *балдагана*, *балчиргана* «борщевик», калм. *балчрhn* «волчий корень» < тюрк. *балтырган* «борщевик»; монг., калм. *иг* «веретено» < др.-тюрк. *ig, jig* «веретено»; монг. *зарам* «отруби», калм. *зарм* «пшено, крупа; грубая мука» < тюрк. *жарма, йарма* «крупа» < тюрк. *жар-, йар-* «рассекать, расщеплять».

К бурятско-халхаским тюркизмам можно отнести лексемы типа монг. *олбог*, бурят. *олбог* «тюфяк для сидения» < тюрк. **олмағ* < тюрк. **ол* «сидеть» (об этимологии лексемы см. [21, с. 54]); монг., бурят. *той* «свадебный пир» < тюрк. *той* «пир, пиршество», ср. тюрк. *той* «насыщаться», *тоғ* «сытый».

Наличие подобных региональных тюркизмов говорит о том, что процесс распада общемонгольского языка происходил неравномерно и что тюркское влияние не прекращалось и в течение этого процесса.

О продолжающемся тюркском влиянии на монгольские языки и после распада общемонгольского языка и образования самостоятельных монгольских языков свидетельствует наличие тюркизмов, специфичных для каждого из монгольских языков. Так, в халха-монгольском языке выявляются свои тюркизмы типа *асаг* «хромота у животных» < тюрк. *аҕсағ* «хромой» < тюрк. *ақса-* «хроматя»; *илбээс* «приманка для рыб; сторожок капкана» (праформа **ilbegesün*) < тюрк. *илмек ~ илбек* «крючок» < тюрк. *ил* «прикалывать, прицеплять»; *торомдой* «кобчик» < тюрк. *ту-ружтай* «то же»; *итлэг* «пустельга» < тюрк. *ителги* «то же»; *явлаг* «ушас-

тая сова» < тюрк. *ябалақ, япалақ* «сова»; *хад* «дикая смородина» < тюрк. *хат* «ягода».

В бурятском языке и в его говорах, особенно западных, также выявлено немало специфических тюркизмов. Например: *бойног* «подгрудок, обвислая шея у крупного рогатого скота» < тюрк. *мойнақ* «то же» < тюрк. *мойун* «шея»; *бүхэ* «приедаться» < тюрк. *бөк* «переедать»; *жэрхэ* «брезговать» < тюрк. *йиркен*; *туюу* «плотный комок снега или грязи, налипший под копытом лошади» < тюрк. *туйуғ* «копыто», зап.-бур. *саажэ* «коса девичья» < тюрк. *сачы* «его волосы»; зап.-бур. *соол* «печь, изба» < сибирск. тюрк. *соол*, *чувал* «камин»; зап.-бурят. *шиихан* «чирей» < тюрк. *чийықан* «то же»; зап.-бурят. *балаг* «пескарь, гальян» < тюрк. *балық* «рыба» и т. п.

Наибольшее количество тюркизмов обнаружилось в калмыцком языке и его говорах. Ср., например, такие калмыцкие слова, как *аю* «медведь» < тюрк. *аю*; *ашу* «месть» < каз. *ашу*; *буриш* «перец» < каз. *бурыш*; *шалһ* «коса для сенокосения» < каз. *шалғы* «то же» < каз. *шал* «косить; рубить»; *жилк* «парус» < тюрк. *желкен*, *жилкән* «то же» < тюрк. *жел*, *жил* «ветер».

Подобная лексика отражает уже более поздние тюрко-монгольские контакты.

Таким образом, тюрко-монгольская языковая общность при ближайшем рассмотрении оказывается весьма неоднородной. В общем лексическом фонде могут быть выделены как минимум три группы: 1) ранние и поздние тюркские заимствования в монгольских языках; 2) ранние и поздние монгольские заимствования в тюркских языках; 3) общие тюрко-монгольские элементы, разработка которых требует методики иного уровня, а алтаистика должна заниматься именно ими. Поэтому ближайшей и неотложной задачей исследования тюрко-монгольской языковой общности на данном этапе является выделение взаимных заимствований и установление подлинных общих тюрко-монгольских элементов, поскольку роль взаимных заимствований в процессе складывания тюрко-монгольской языковой общности оказывается неизмеримо большей, если не сказать решающей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербак А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании // ВЯ. 1959. № 6.
2. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
3. Porre N. Introduction to Altaic linguistics. Wiesbaden, 1965.
4. Насилов Д. М. Об алтайской языковой общности. К истории проблемы // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
5. Clauson G. Turkish and Mongolian studies. L., 1962.
6. Щербак А. М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // ВЯ. 1966. № 3.
7. Клаусон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории // ВЯ. 1969. № 5.
8. Лигети Л. Алтайская теория и лексикостатистика // ВЯ. 1971. № 3.
9. Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема // ВЯ. 1981. № 4.
10. Дёрфер Г. Можно ли проблемы родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики? // ВЯ. 1972. № 3.
11. Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente in Neupersischen. Bd 1. Mongolische Elemente in Neupersischen. Wiesbaden, 1963. S. 51—105.
12. Герценберг Л. Г. Об исследовании родства алтайских языков // ВЯ. 1974. № 2.
13. Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // ВЯ. 1974. № 2.
14. Санжеев Г. Д. Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. М., 1958. С. 26.